

Пока двое парней, тащивших мусорный бак, собирались пожаловаться учителю, Мяо Цзиньли схватил Нань Цзина за руку и увлек за собой, поспешно направляясь к мастерской скульптуры.

Учебные корпуса Старшей школы Сунлинь соединялись крытыми стеклянными галереями. Нань Цзин миновал один из таких переходов, спустился на два этажа ниже и замер у дверей мастерской. Мяо Цзиньли на прощание махнул рукой:

— Ступай в класс, а я пока сбегаю за газировкой. На физкультуре точно пить захочется.

Нань Цзин остался стоять перед закрытой дверью. Он нерешительно протянул руку к ручке, но тут же отдернул пальцы. Поколебавшись, он развернулся и прислонился спиной к прохладной стене. В голове царил полнейший сумбур, и юноше требовалось время, чтобы разложить чужие воспоминания по полочкам.

Судя по этим обрывкам мыслей, он еще с первого класса встречался с Бай Гуаньинем. Но за два года чувства угасли. Вдобавок в школе появился новый ученик, который начал активно за ним ухаживать, и Нань Цзин действительно увлекся. Теперь он твердо вознамерился расстаться с Бай Гуаньинем.

Однако тот словно почувствовал неладное. Накануне решающего разговора Бай Гуаньинь внезапно предложил компании одноклассников вызвать Карандашного духа. Свой порыв он объяснил тем, что хочет спросить у потусторонних сил об исходе грядущего конкурса скульпторов. Поскольку они с Нань Цзином состояли в близких отношениях, присутствие партнера должно было сделать ответы духа точнее. Именно поэтому участие Нань Цзина было обязательным условием.

К тому же Бай Гуаньинь строго-настрого предупредил: в преддверии ритуала нельзя рвать связи и ссориться, иначе разгневанный Карандашный дух жестоко покарает святотатцев.

Нань Цзин прекрасно знал, сколько сил и времени ушло у его возлюбленного на подготовку к конкурсу. Он искренне желал ему победы, а потому заставил себя промолчать. Разрыв пришлось отложить до окончания опасного спиритического сеанса.

Нань Цзин тихо вздохнул и поднял взгляд к потолку.

«Получается, я мало того что кручу роман с парнем, так еще и собрался пойти налево? Ну и закрученный сюжет... Словно кто-то специально прописал мне эту роль и заставляет следовать нелепому сценарию».

Уж слишком такое поведение не вязалось с его настоящим характером.

Свободная школьная форма висела на его хрупкой фигуре мешком. Нань Цзин подтянул длинные сине-белые рукава, спрятав в них ладони, прижал ткань к лицу и задумчиво прикусил

нижнюю губу. Он понятия не имел, как теперь смотреть в глаза своему «парню» Бай Гуаньиню.

«Может, рубануть с плеча и покончить со всем прямо сейчас?»

Но он тут же вспомнил, как важен для Бай Гуаньиня этот конкурс. Тот готовился к нему больше года. Придется наступить на горло собственной песне и дожждаться вызова Карандашного духа. От подобных размышлений парня бросило в краску — ситуация казалась верхом неловкости.

Мысленно вздохнув, Нань Цзин повернулся к двери. Но стоило его пальцам коснуться дверной ручки, как створка резко распахнулась внутрь. Не удержав равновесия, юноша охнул и полетел вперед, прямиком в объятия стоявшего на пороге человека.

Его окутал густой, морозный аромат лотоса. Подобный запах редко вяжется с мужским образом, но в этом случае он казался настолько чистым и пронзительным, что не вызывал ни малейшего диссонанса, лишь подчеркивая благородство своего обладателя. Нань Цзин невольно уткнулся носом в чужую грудь и шумно вдохнул, уподобляясь коту, почуявшему любимое лакомство.

Оставшиеся в мастерской ученики так и застыли на месте. Кое-кто тихо зашептался:

— Да ладно! Они что, вообще стыд потеряли? Любезничают прямо у всех на виду!

— Ходили же слухи, что они вот-вот разбегутся. Разве так ведут себя люди на грани разрыва?

Бай Гуаньинь опустил взгляд на уткнувшуюся в его грудь взъерошенную макушку. Сквозь пряди мягких черных волос виднелась нежная полоска бледной кожи на шее.

«И это чудо — мой парень?»

Взгляд Бай Гуаньиня оставался ледяным. Сама мысль о том, что он может с кем-то встречаться, казалась ему дикой. И тем не менее навязанные памятью образы упрямо твердили: перед ним его возлюбленный. Который, к слову, вот-вот наставит ему рога. А он, великий практик, якобы настолько отчаялся удержать ветреника, что опустился до детских игр со спиритизмом.

«Какая глупость».

Подавив раздражение и непреодолимое желание бесцеремонно оттолкнуть юношу, Бай Гуаньинь слегка отстранился и произнес ровным голосом:

— Нань Цзин. Встань нормально.

Его тон веял лютой стужей, словно он заговорил осколками льда.

Нань Цзин отпрянул и поднял глаза. В полумраке мастерской солнечные лучи из открытых дверей падали ровной полосой, очерчивая силуэт Бай Гуаньиня золотистым контуром. У Нань Цзина перехватило дыхание. Юноша перед ним был ослепительно, невероятно красив — утонченной, морозной красотой, в которой не было ни капли женственности.

Мягкий свет ложился на его безупречную кожу, подчеркивая изгиб полуприкрытых век и алым огоньком вспыхивая на капельке киновари меж бровей. Простая белая рубашка и сине-белая олимпийка смотрелись на нем как изысканный наряд, придавая его облику хрупкую юношескую стать.

По всей мастерской выстроились десятки белоснежных гипсовых фигур разной величины, но все они казались блеклыми и топорными по сравнению с этим живым изваянием.

Заметив замешательство на лице Нань Цзина, Бай Гуаньинь молча перехватил его за запястье и увлек за собой прочь из класса. Они остановились лишь на небольшом уединенном балконе в конце коридора.

— Моя работа почти закончена, скоро ее отправят на конкурс, — негромко заговорил Бай Гуаньинь, вглядываясь в лицо собеседника. — Сегодня вечером я спрошу у Карандашного духа о результатах судейства. А ты? Что хочешь узнать ты?

— А... — Нань Цзин растерялся. Он нервно прикусил губу, блеснувшую под лучами солнца влажным гляncем, и отвел взгляд. — Наверное... я спрошу про вступительные экзамены в университет.

О своей запутанной личной жизни он точно заговаривать не планировал.

— Хорошо, — кивнул Бай Гуаньинь. — Возвращайся в класс. Мне нужно закончить детали скульптуры. Переоденься к физкультуре заранее. Увидимся на стадионе.

Какими бы странными ни казались воспоминания, следовало придерживаться навязанного сценария — только так можно было докопаться до истины и вскрыть ловушку этого иллюзорного мира.

Стоило Бай Гуаньиню отпустить его, как Нань Цзин, заметно повеселев, тут же поспешил ретироваться. Юноша почти бегом пустился наутек, словно спасался от дикого зверя. Тонкие запястья испуганно замелькали в воздухе.

Бай Гуаньинь облокотился на перила. Ворвавшийся на балкон порыв ветра швырнул ему в лицо пригоршню алых лепестков китайской розы. Он поморщился и выпрямился.

«Если после завершения этого фарса ничего не прояснится, я просто сравню эту чертову школу с землей».

До начала урока оставалось около двадцати минут большой перемены. Нань Цзин заторопился вниз, к раздевалкам при спортивном зале. Миновав сырой и полутемный коридор, он толкнул тяжелую дверь. Внутри царило абсолютное безмолвие — раздевалка была пуста.

Отыскав свой шкафчик, Нань Цзин вставил ключ в скважину и распахнул дверцу. Но едва он поднял глаза, как в висящем на внутренней стороне маленьком зеркале Багуа промелькнула смутная черная тень. Он резко обернулся. Никого — лишь бесконечные ряды серых металлических шкафов.

Напряженно поджав губы, Нань Цзин достал спортивную форму. Старшая школа Сунлинь славилась своим элитным статусом и отличным финансированием, поэтому ученикам выдавали качественные комплекты из дышащего белого хлопка и свободных нежно-голубых шорт.

Стоило ему наклониться, чтобы переодеться, как боковым зрением он уловил стремительное движение позади себя. В смазанном темном силуэте на долю секунды угадывались очертания искаженного злобой лица.

Сердце испуганно екнуло. Нань Цзин снова обернулся, но в тишине раздевалки по-прежнему ничего не происходило.

Он настороженно огляделся. Из-за отсутствия окон в помещении стоял полумрак, густо замешанный на запахе застоявшейся влаги и сырости. Нань Цзин до крови прикусил губу. Белый след быстро сошел, сменившись тревожной бледностью.

Сжав в кулаке спортивную форму, юноша потянулся закрыть шкафчик. Но стоило ему моргнуть, как прямо внутри узкой металлической секции он увидел жуткое зрелище: там, неестественно вывернув суставы, скрючилась угольно-черная человеческая фигура. Из ее бесформенного тела нескончаемым потоком хлестала темная, густая кровь.

Дыхание перехватило, словно чья-то ледяная рука сжала сердце. Нань Цзин зажмурился и снова открыл глаза — видение пропало. Однако в ту же секунду на полированной поверхности зеркала Багуа отразилось, как нечто темное на бешеной скорости несется прямо на него из глубины помещения.

«Что это за тварь?!»

Прижав к себе вещи, Нань Цзин почувствовал, как кровь отливает от лица. Кожа мгновенно сделалась мертвенно-бледной. Он резко отпрянул в сторону, задев плечом металлический шкаф, который отозвался оглушительным скрежетом. Не раздумывая ни секунды, юноша бросился наутек.

Выскочив в тускло освещенный коридор, он на бегу оглянулся назад. Сердце совершило безумный кульбит: изуродованный, переломанный труп на четвереньках, дико изгибая конечности, стремительно нагонял его по пятам.

Быстрее! Еще быстрее!

Паника накрыла его с головой. Он мчался вперед, не разбирая дороги.

До спасительного выхода из спортивного комплекса оставалось всего несколько шагов. Нань Цзин рванулся из последних сил, как вдруг чьи-то невидимые ледяные пальцы мертвой хваткой вцепились ему в щиколотку. Он споткнулся и полетел на бетонный пол. Белая форма выскользнула из рук, испачкавшись в пыли. Юноша отчаянно потянулся вперед, пытаясь ухватиться хоть за что-то, но пальцы лишь беспомощно скребали по полу в паре сантиметров от залитого солнцем дверного проема.

Вдруг чьи-то крепкие, холодные пальцы подхватили его под локоть. В нос ударил знакомый морозный аромат лотоса. Нань Цзин судорожно глотал воздух, силясь удержаться на ногах. Подавшись вперед, он практически навалился на своего спасителя, увлекая его за собой под защиту солнечного света. Ошалевшим от ужаса взглядом он посмотрел вверх.

Бай Гуаньинь молча удерживал его за плечи. Они стояли на самой границе света и тени, глядя друг на друга. Оценив испуганный вид партнера, Бай Гуаньинь перевел взгляд на уходящий во тьму коридор. Там царило гробовое молчание.

— Что случилось? — невозмутимо спросил он.

— Там... там призрак... — цепляясь за его рукава, пробормотал Нань Цзин. Его била крупная дрожь, а взгляд был намертво прикован к темному проему.

«Призрак?»

Бай Гуаньинь посмотрел на темную пасть коридора, которая, казалось, исходила липкой, удушливой сыростью. На его губах заиграла едва заметная, презрительная усмешка.

Значит, в этой школе завелась нечисть?

<http://bllate.org/book/19041/1973339>